

13 ЯНВ 1983

Литературный

Чем верт

ТАК ДЕРЖАТЬ, МАРК САМОЙЛОВИЧ!

Вот и Марку Лисянскому — 70. Фронтовик. Стойкий в жизни. Радостный всегда человек. Много переживший и потому знающий цену жизни, цену верности, дружбы. Он действительно «...по свету немало хаживал, знал разлуку, любил в тоске». Был и в тревожной безвестности, и в достойной славе. Нет другой такой песни, равной по яркости слова, по мужеству слова, по надежности слова песне Лисянского о нашей столице времен войны, о Москве периода первого сокрушительного удара по гитлеровским полчищам.

Это песня о гвардейцах-панфиловцах, о москвичах всего Советского Союза — москвичах-русских, москвичах-татарах, москвичах-украинцах.

Читателям хорошо известны и другие песни Лисянского. Николаевцам, думаю, особенно нравятся о кораблях — «Над лиманом парус белый...»

Хотелось бы оговориться, что редкие песни у Лисянского написаны к готовой музыке. Большинство их — это стихи, ставшие потом песнями. Отсюда, думаю, их непреходящий успех. Успех сначала в яркости слова, мысли и образа, а потом уже — в музыке.

Марк Лисянский написал много стихов, которые на слуху и на памяти у большого всесоюзного читателя: о фронтовой поре своего поколения, о послевоенных годах, о торжестве мира.

Особо хочется сказать о его стихотворениях, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина и всему тому, что связано с этим дорогим нам великим образом. Стихи о детстве Ленина, о его Волге, посвященные матери вождя. Ленин-гимназист, Ленин-революционер, Ленин—первоученик Маркса, Ленин — создатель партии рабочего класса, Ленин—руководитель первого в мире социалистического государства... Все эти этапы жизни Владимира Ильича и всей нашей страны в той или иной форме отражены в творчестве Лисянского. Это — непреходящий актив.

Надо еще отметить особую черту характера Марка Самойловича — его доброжелательность. Но доброжелательность — не как всеядность, а как строгий выбор. Очень много Марк Лисянский — в согласии со своим характером и долгом литератора, по праву человека, принадлежащего к поколению поэтов-фронтовиков, — уделяет внимания молодым дарованиям. Многие обязаны его первоначальным дарованиям. Многие обязаны его первоначальным дарованиям.

В свои 70 лет Марк Лисянский ничуть не постарел в таланте, в самых лучших чертах характера и свойствах души.

Скажу по-морзянски: так держать, Марк Самойлович!
ЕГОР ИСАЕВ,
поэт, лауреат Ленинской премии.

Рис. народного художника СССР Н. Н. Жукова.

Марк ЛИСЯНСКИЙ ИЗ НОВОЙ КНИГИ В п у т и

Свидетельствуют боги:
В любой людской судьбе
Труднее нет дороги,
Чем к самому себе.
В пути и днем и ночью,
Не счесть ночей и дней.
Не выберешь короче,
Не выберешь длинней.
Идя своей дорогой,
Как говорил мой дед,

Перед людьми и богом
Всегда держи ответ.
Не ведомо, что будет,
Где оборвется путь...
С тобою рядом люди,
И в этом, в этом суть!
И каждый полагает,
Что, следуя судьбе,
Дорогу пролагает
Он к самому себе.

С к р и п к а

Не стал он музыкантом,
Хотя поет душа,
Обидел бог талантом,
Не выдал ни шиша.
Судьбу не выбирают,
Скорей — наоборот...
А скрипочка играет,
А скрипочка поет.
Еще качаясь в зыбке,
Стал скрипку понимать.
Отец играл, на скрипке,
Любила скрипку мать.
И сердце замирает,
Готовое в полет...
А скрипочка играет,
А скрипочка поет.

Бывает сердцу больно —
Не сталь и не гранит.
Он загрустит невольно,
Лишь скрипка загрустит.
Судьба щадит, карает,
Берет в свой переплет...
А скрипочка играет,
А скрипочка поет.
Он был в бою под Веной,
Он строил корабли,
Он говорил с вселенной
От имени Земли.
Он от любви сгорает,
Стареет от забот...
А скрипочка играет,
А скрипочка поет.

О любви да о любви

Вы просите — не просите,
Я твержу слова свои.
Кто о чем, а я, простите,
О любви да о любви.
Мне не двадцать

Ах, все женщины красивы
В свете солнечного дня.
А еще, пожалуй, краше
И желаннее они
В час, когда над тайной

и не тридцать,
Но хожу я сам не свой.
О, любовь, я верный рыцарь
Твой — до крышки гробовой.
Не чернявый, но не сивый,
Посмотрите на меня!

нашей
Зажигаются огни.
Все к лицу им шелк и ситец,
Если в сердце соловьи.
Кто о чем, а я, простите,
О любви да о любви.

В а л ь с

Мне б где-нибудь в сторонке усесться,

А я к окну шагаю от окна.

И волны вальса плещутся у сердца.

И кружится и кружится она.

Мелькают пары. Я слежу за нею,

Одновременно раб и властелин.

Мне кажется: все танцевать умеют,

И только не умею я один.

И новый вальс. До головокруженья

Я мучаюсь, дыханье затаю.

Подхсдит он и просит разрешения

С ней танцевать... И разрешаю я.

Я так ее люблю, что не без риска

У края бездны чуть живой стою.

Мне чудится: они друг друга близко

Касаются. Я слышу кровь свою.

А музыка, а музыка хмельная

На крыльях лебединых от меня,

О муках человеческих не зная,

Ее уносит, в небесах звеня.

Нет у меня ни воли и ни власти,

Я вновь к окну шагаю от окна.

И сердце разрывается на части,

И кружится, и кружится она.

Увы, увы, должны признаться,

Что на обратном склоне лет

Мы начинаем повторяться,

Хотя в том надобности нет.

Совсем того не замечая,

Мы в назидание другим,

За кружкой пива,

Чашкой чая

Все говорим и говорим.

Не только в слове, даже в жесте

Мы повторяем свой рассказ.

Вздыхнем на том же самом месте,

Всплачем, где плакали не раз.

Все дорогое, все святое,

Что до сих пор еще горит,

Пережитое, прожитое

В нас неумолчно говорит.

То отзовется наше детство,

То юность вспыхнет в свой черед.

Все, что досталось нам в наследство,

Другим в наследство перейдет.

Сгорает бабочка ночная,

Рассветный луч ее настиг.

Я повторяться начинаю —

И умолкаю в сей же миг.

1982 год.